

ДОФАМИН

— СЕМЬ ДНЕЙ СЧАСТЬЯ —

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ПРАВИЛА
ИГРЫ
ПРОСТЫ

ЦЕНА
ТВОЯ
ЖИЗНЬ

18+

ЯРОСЛАВ СЕВЕРИЕВ | НАТАША АЙВЕРС

Наташа Айверс

Дофамин Семь дней счастья
Книга первая День первый

«Автор»

2026

Айверс Н.

Дофамин Семь дней счастья Книга первая День первый /
Н. Айверс — «Автор», 2026

Что бы ты выбрал — миллион долларов, миллион подписчиков или самое опасное приключение в своей жизни? 30 кандидатов. 24 часа отбора. 3 финалиста. 7 дней в игре «Дофамин» и мечта всей жизни станет реальностью. Правила кажутся до смешного простыми, а приз — безумно соблазнительным. Жаль только, что условия, написанные мелким шрифтом, участники не прочитали: цена победы — чужая жизнь.

© Айверс Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Пролог	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наташа Айверс, Ярослав Северцев
Дофамин Семь дней счастья
Книга первая День первый

Глава 1

Пролог

Прямой эфир финала Игры

— Не отпускай.

Странно, но голос у неё был спокойный, будто это не она висела над пропастью, цепляясь за мою руку, а я. Её ноги болтались над чёрной бездной, в которой тонули лучи прожекторов, растворяясь, так и не нащупав дна.

Я лежала животом на металлической решётке. Край впивался под рёбра, правое плечо горело так, словно его вот-вот выдернет из сустава, но я продолжала держать её за запястье. Ладонь вспотела, пальцы почти не слушались, и я чувствовала, как её рука медленно, миллиметр за миллиметром, выскользывает из моей.

Левой рукой я вцепилась в красный рычаг у края платформы. Пружина тянула его вверх с такой силой, что предплечье уже сводило судорогой, но отпустить я не могла. Стоит это сделать и стальная заслонка захлопнется, навсегда отрезав доступ к последнему рубильнику.

Выбор был до смешного простым: отпустить рычаг и схватить её второй рукой или отпустить её и успеть дёрнуть рубильник до того, как закончится время Игры.

— Подтяни меня.

— Я пытаюсь.

Она подняла голову и несколько секунд смотрела на меня, а потом покачала головой.

— Нет.

— Что — нет?

— Ты не пытаешься. Ты прикидываешь, спасти меня или отпустить.

Меня обожгло злостью.

— Заткнись.

Эта ненормальная вдруг рассмеялась, продолжая висеть над пропастью на одной моей руке. От её движения плечо снова прострелило болью.

На табло по другую сторону платформы неумолимо менялись цифры.

«00:20»

Раздался резкий сигнал, отсчитывая оставшиеся секунды.

«00:19»

Я повернула голову налево. За приподнятой заслонкой виднелась чёрная металлическая рукоять. Над ней мигала красная лампа, а под ней горело одно-единственное слово:

«ФИНИШ»

Чтобы закончить Игру, нужно было всего лишь дёрнуть рубильник вниз.

Левой рукой я этого сделать не могла — она удерживала рычаг, не давая заслонке захлопнуться. Правая была занята её запястьем. Совсем непростая задача, как и все остальные за последние семь дней.

Я могла отпустить красный рычаг, подхватить её второй рукой и попытаться вытащить. Тогда заслонка рухнет, «ФИНИШ» исчезнет за толстым листом металла, а таймер дойдёт до нуля.

Или разжать правую руку, дёрнуть рубильник и забрать приз, ради которого я сюда пришла.

— Смотри на меня, — сказала она.

Я не хотела.

— Посмотри, я сказала. — Её крик ударил по ушам.

— Не буду, — зло процедила я. — Я знаю, что ты скажешь.

За последние сутки мы проговорили все возможные варианты раз десять, если не больше. Спорили до хрипоты, пытались понять правила, которых нам никто толком не объяснял, и каждый раз возвращались к одному и тому же. У нас был только один выход.

«00:17»

— Отпусти меня.

Я стиснула зубы.

— Нет.

— Жми рубильник.

— Заткнись.

— Ты победила.

Я всё-таки посмотрела вниз. Лицо у неё было разбито, кровь на подбородке уже запеклась, а в глазах была такая усталость, будто ей было всё равно, чем закончится эта ночь.

— Ты достойна этого приза, — сказала она. — Забирай и возвращайся домой. Как она. От воспоминания перехватило горло.

— А если она не вернулась? Если она и вправду...

— Идиотка, — зашипела она. — Думаешь, орги и правда гробят игроков?

Я ничего не ответила.

«00:14»

— Они всё контролируют, — быстро заговорила она, уговаривая то ли себя, то ли меня. — Камеры. Датчики. Дроны, которые таскаются за нами с первого дня. Я уверена, что у неё в самый последний момент сработала страховка. То же будет и со мной. Думаешь, они устроили прямой эфир, чтобы показать, как меня размазывает о камни?

— Мы договаривались, что выйдем отсюда вдвоём.

Она отвела глаза.

— Не получится.

«00:10»

Я крепче перехватила её запястье и попыталась подтянуть, но плечо отозвалось дикой болью.

— Не забудь про рубильник, — вдруг сказала она.

Я нахмурилась.

— Что?

— Если что-то пойдёт не так — не стой столбом. Дёргай.

«00:08»

— Я не собираюсь тебя отпускать.

Она горько усмехнулась.

— А на хрена мы тогда прошли через всё это? Чтобы вдвоём сдохнуть за несколько секунд до финала?

«00:07»

Я посмотрела на её руку, потом на рубильник. Красная лампа мигала в такт таймеру, а до рукоятки было меньше метра. Мне достаточно было освободить правую руку и подтянуться немного выше.

И именно тогда в голову пришла мысль настолько мерзкая, что на секунду стало трудно дышать. Я не хотела об этом думать, но было поздно. Она уже прожигала мозг своей холодной, отвратительной логикой: если я не дёрну рубильник, проиграем мы обе. А если она сорвётся, останусь только я — последняя участница и победительница.

«00:06»

Не знаю, что именно она увидела в моём лице, но страх вдруг исчез из её глаз.

— Посмотри на меня.

— Я смотрю.

На разбитых губах появилась странная улыбка.

— Что ты задумала?

Она будто не услышала мой вопрос.

— И не забудь, что обещала.

— Что именно?

— Дёрнуть рубильник.

«00:05»

Я хотела переспросить, что она имела в виду, но не успела. В правом плече вспыхнула такая дикая боль, что я заорала. Пальцы разжались сами, и меня всем телом дёрнуло назад.

Глава 2

Аликс. Рейкьявик. Восемь лет назад

В шестнадцать лет я впервые умерла. В свидетельстве о смерти стояли моя фамилия, моя дата рождения и имена моих родителей. Правда, имя было не моё.

— Слабо? — спросил Арон.

Мой брат-близнец, лучший друг и главный источник неприятностей с момента нашего появления на свет опередил меня на три минуты и последние шестнадцать лет пользовался этим как официальным разрешением мною командовать.

Мы стояли на верхней площадке заброшенного погрузочного комплекса километрах в сорока от Рейкьявика. Когда-то здесь добывали камень, потом карьер закрыли, его затопило, технику бросили ржаветь, а место облюбовали паркурщики и любители острых ощущений, такие же идиоты, как мы.

Над водой тянулась узкая металлическая балка, когда-то соединявшая погрузочную башню с конвейером. Перил не было, страховки тоже. Только мокрое железо шириной примерно с мою ступню и пустота под ним.

Я посмотрела вниз. Вода в карьере казалась почти чёрной и такой неподвижной, будто котлован залили стеклом.

— Сколько здесь?

Арон перегнулся через ограждение.

— Пара метров.

— Да ладно, гонишь.

— Метров двадцать, на глаз.

Я присвистнула.

— Так и скажи, что зассала.

— А на что спорим?

Он задумался.

— На твою GoPro. — Я прищурилась, хитро улыбаясь.

— Даже не мечтай, мелочь пузатая.

Камеру ему подарили родители на день рождения. Вообще-то это был и мой день рождения, но я сама попросила ноутбук для учёбы, так что всё было по-честному. Но стоило Арону начать таскать новую игрушку на вылазки с Карой, а потом показывать мне ролики, где они лазают по ледяным пещерам, прыгают с заброшенных пирсов и вообще отлично проводят время без меня, как я пожалела о своём выборе.

— Сам притащил меня сюда и предложил спор.

— Я не сказал, что поставлю камеру.

— Потому что боишься проиграть?

— Потому что она стоитдохрена.

— Значит, боишься проиграть.

Арон посмотрел на балку, потом на меня.

— Хорошо. Дойдешь до той будки и вернешься — GoPro твоя.

— Насовсем?

— Совсем.

— Без «дай на выходные»?

— Без.

— И без «я просто сгоняю с Карой на пару дней и сразу верну»?

— Аликс.

— Я просто уточняю условия спора.

— А как по мне, так тянешь время, потому что тебе слабо.

У моей школьной подруги Хельги была аллергия на арахис, а у меня — на слово «слабо». В обоих случаях контакт с раздражителем приводил к неадекватной реакции организма.

Я перелезла через ограждение.

— Аликс.

По голосу Арона сразу стало понятно, что он не ожидал, что я соглашусь, и теперь уже жалеет о споре. Его растерянность подействовала на меня лучше любого адреналина.

Я поставила правую ногу на балку, перенесла вес и почувствовала, как кровь ударила в виски.

— Ты же сам предложил.

— Я пошутил.

— Ха-ха. Очень смешно.

— Лезь обратно. Камеру можешь и так забрать.

Я повернула к нему голову.

— Уже?

— Да.

— Я даже не дошла до середины.

— Поздравляю, ты выиграла.

Я тут же разозлилась.

— Мне подачки не нужны.

— Аликс, чёрт тебя дер.

— Не ругайся при ребёнке.

— Тебе шестнадцать.

— Вот именно. У меня ранимая психика.

Он шагнул ко мне, но я уже оттолкнулась от площадки и встала обеими ногами на балку. Металл под подошвами был мокрым после утреннего дождя. Пришлось раскинуть руки, поймать равновесие и только потом сделать первый шаг.

— Аликс, всё, достаточно. Ты без страховки. Упадёшь и свернёшь себе шею.

— Ты говорил, что проходил здесь с Карой. Если смогла она, то смогу и я.

— Я соврал!

Я обернулась, нарочно копируя его хвастливый тон:

— «Мы прошли по балке туда и обратно». Твои слова.

— Я прикалывался. А ну-ка лезь обратно. Всё, ты доказала, что смелее меня. И Кары. Возвращайся, чокнутая. Живо.

— Да щас.

— Аликс.

— Какой же ты трус.

За спиной закрипел металл.

Я осторожно повернула голову.

— Ты что делаешь?

— Исправляю самую большую ошибку своих родителей, — проворчал Арон, перелезая через ограждение. — Надо же было им родить мне близнеца без инстинкта самосохранения. Теперь приходится лезть за тобой, чтобы спасти твою задницу.

Я отвернулась и широко улыбнулась, довольная собой.

Наверное, именно поэтому я так ненавидела его вылазки с Карой. Не потому, что мне не нравилась Кара. Нормальная девчонка. Просто до неё существовало два Арона. Для всех он был весёлым парнем, который играл по вечерам в футбол, забывал делать домашку и мог съесть содержимое холодильника за один вечер. Таким его знали родители, учителя, друзья и вообще все.

Но я-то знала, что мой Арон был другим. По ночам он будил меня и говорил: «Одевайся», а потом мы забирались на крыши, ныряли с пирсов, а однажды проехали сорок километров в кузове чужого грузовика, потому что решили проверить, куда он едет. Этот Арон принадлежал только мне.

Пока не появилась Кара.

И тогда я возненавидела её за то, что рядом с ней Арон снова становился тем, вторым — безбашенным и счастливым. Таким, каким раньше был только со мной.

Я тряхнула головой, отгоняя мысли о противной девчонке, укравшей моего брата и сосредоточилась на подрагивающем металле под ногами. Сегодня Арон снова был моим. И только это имело значение.

— Мы уже дошли до середины! — крикнула я, повышая голос, чтобы он услышал меня сквозь ветер.

— Молодец. Теперь возвращаемся.

— Сначала дойдём до будки.

— Камера уже твоя.

— Я знаю.

— Так чего тебе ещё надо?

Я хотела сказать: чтобы ты больше никогда не говорил, что мне «слабо», но не успела.

Шквал ветра ударил сбоку. Я покачнулась, подошва поехала по мокрому металлу, сердце подскочило к горлу, и время будто остановилось. Секунды вдруг растянулись, позволяя увидеть и почувствовать больше, чем обычно помещалось в одну.

В голове стало совсем тихо. Исчезли школа, экзамены, родители, наша утренняя ссора из-за того, что я слишком долго занимаю ванную, мысли о Каре, GoPro — всё. Остался только свист ветра в ушах и рука Арона, вцепившаяся сзади в мою куртку.

Я выставила ногу, поймала равновесие и только потом оглянулась.

— Спасибо, что поймал.

Он смотрел на меня так, словно всерьёз подумывал, не придушить ли меня на месте.

А я широко улыбнулась.

Я никогда раньше не чувствовала себя настолько живой. А Арона — настолько близким. Мы снова были единым целым.

— Чего лыбишься? — заворчал Арон.

— Это было круто.

— Тебе лечиться надо.

— Родители давно так говорят.

Он отпустил мою куртку и взял меня за руку.

— Давай.

— Что?

— Возвращаемся.

— До будки осталось меньше половины.

— Мне плевать на будку.

— А мне нет.

— Аликс.

Он произнёс моё имя без злости и напускного раздражения. В его голосе я услышала усталость и страх.

Я могла быть упрямой как баран и готова была рисковать собственной шеей, лишь бы настоять на своём, но Арона я любила и причинять ему боль я не хотела.

— Камера моя?

— Да.

— Тогда можем возвращаться.

Он закатил глаза.

— Слава всем богам сразу.

Арон сжал мои пальцы, придерживая меня, пока я осторожно разворачивалась на балке.

Мне часто до сих пор снится именно этот момент. Не падение и не вода, а его тёплая рука и довольная улыбка, когда я наконец-то его послушалась.

Мы медленно пошли обратно. Теперь впереди был Арон, а я держала его за руку, и от пережитого меня распирало настолько, что хотелось громко смеяться и орать.

— Признай, это было офигенно!

— Нет. Я чуть не обоссался от страха за тебя, мелочь пузатая.

— Именно поэтому и офигенно.

Он повернулся через плечо и засмеялся.

— Ты ненормальная.

— Нас таких двое.

— Тоже верно.

До площадки оставалось метров пять, когда нога Арона вдруг соскользнула.

Он резко дёрнулся в сторону, пытаясь поймать равновесие, и я инстинктивно схватила его второй рукой за куртку.

— Арон!

На секунду мне показалось, что я смогла его удержать, а потом мокрая подошва поехала по металлу уже у меня.

Мы сорвались вниз вместе.

Я помню только, как во время падения Арон попытался разжать пальцы, будто хотел отпустить меня, но я сжала его руку ещё сильнее.

Потом был удар о воду. Воздух вышибло из лёгких, ледяная темнота сомкнулась над головой, и я перестала понимать, где верх, а где низ. Я рванулась туда, где, как мне показалось, был свет, и через несколько секунд вынырнула на поверхность. Я вдохнула так жадно, что вместе с воздухом наглоталась воды.

— АРОН!!!

В ответ была только тишина. Я завертелась на месте, загребая руками и пытаясь разглядеть его в темноте.

— Арон!!!

Метрах в десяти белели подошвы его кроссовок.

Он лежал на спине, раскинув руки и ноги в стороны.

Я рассмеялась и поплыла к нему.

— Ну у тебя и нервы! Хватит изображать морскую звезду. Здесь вода градусов пять!

Он не ответил. Только дёрнул ногой.

— Арон!

Я подплыла ближе и потянула его за руку.

— Всё, прекращай.

Глаза у него были открыты, но головы он почему-то в мою сторону так и не повернул.

Я толкнула его в плечо.

— Арон. Вода холодная, поплыли на сушу.

Его тело дёрнулось, а изо рта вырвался странный хрип.

Только тогда я увидела кровь. Она расплзалась по воде вокруг него тонкими красными нитями. Я опустила взгляд и сначала вообще не поняла, на что смотрю.

Из груди Арона торчал обломок ржавого металла.

— Нет.

Он попытался вдохнуть.

— Нет-нет-нет. Подожди.

Я схватила его обеими руками.

— Сейчас. Я тебя вытащу. Слышишь? Арон, посмотри на меня!

Его губы шевельнулись.

Я наклонилась ближе.

— Что?

Больше я ничего не помню.

Только темноту.

Психотерапевт потом назвала это диссоциативным провалом памяти. Мозг, по её словам, иногда прячет то, что не способен переварить.

Следующее моё воспоминание — мигающие синие огни на мокрой дороге, одеяло на плечах и лицо мамы, искажённое такой страшной гримасой, что я сначала не узнала её. Возможно, она кричала, но я не слышала ни звука. В ушах стоял звон, сквозь который снова и снова прорывался последний хрип Арона.

Что было между этими двумя моментами, я не помню до сих пор. Да и не хочу вспоминать.

Позже родители пересказали мне то, что узнали от спасателей. Я каким-то образом сняла Арона с металлического штыря и дотащила его до берега, плывя на спине. Там вытащила его из воды, прижала к ране свою свёрнутую футболку и туго привязала её своей курткой, пытаюсь остановить кровь. Потом я оставила его на берегу, вскарабкалась наверх и вызвала помощь.

Когда спасатели констатировали смерть Арона и прибыл coroner, я не позволила им забрать его тело. Кричала, цеплялась за брата и даже укусила за руку одного из сотрудников, когда тот попытался уложить Арона в чёрный мешок. В конце концов меня пришлось силой оттащить, обездвигить и вколоть успокоительное.

Звучит вполне в моём стиле, решила я.

Врач потом объяснил нам, что обломок металла пробил Арону лёгкое и повредил артерию. Он истёк кровью задолго до того, как приехали спасатели. Им оставалось только констатировать его смерть.

Следующие два года родители пытались создать для меня безопасный мир. Получалось плохо. Они забрали ключи от машины. Мама установила на мой телефон трекер и буквально поминутно проверяла, где я нахожусь. Отец вообще снял дверь в моей комнате, потому что я могла на несколько дней запереться внутри, подперев её комодом, и не отвечать ни на стук, ни на уговоры.

А по понедельникам и четвергам меня водили к психотерапевту.

Она спрашивала:

— Что ты чувствуешь, когда вспоминаешь Арона?

Я отвечала:

— Ничего.

Я действительно ничего не чувствовала. Только пустоту там, где раньше была душа. Внутри образовалась огромная дыра, которую ничто и никто не мог заполнить.

В восемнадцать я съехала от родителей в крошечную комнату в социальном жилье и первым делом достала из коробки GoPro Арона. Камеру нашли в его рюкзаке на площадке. Она так и не стала моей по правилам спора — я не дошла до будки и не вернулась обратно, но я всё равно оставила её себе.

А на следующий день я полезла наверх.

Не в тот карьер. Туда я так и не смогла вернуться. Я поехала на Эсю, гору через залив от Рейкьявика, и полезла выше обычной тропы, туда, где висел знак «Дальше не ходить». Я цеплялась за мокрый камень, находила носком ботинка крошечные выступы, подтягивая тело вверх, пока пальцы не заболели от холода, мышцы не начали мелко дрожать, а город внизу не превратился в россыпь крошечных домов.

И там произошло то же самое, что и на балке.

В голове стало тихо, время замедлилось и я наконец снова почувствовала его рядом. Моя ладонь всё ещё лежала в его руке. Там, на самом верху, где из-за колкого ветра перехватывало дыхание, а внизу блестел залив, я на несколько минут снова стала целой.

Так всё и началось.

Я бралась за любую работу на высоте, если за неё хорошо платили. Выучилась на промышленного альпиниста, висела на верёвках на фасадах зданий и лезла туда, куда нормальные люди предпочитали отправлять технику.

Подолгу на одном месте я не засиживалась. Стоило только поднакопить денег, я тратила их на снаряжение, билеты к очередной горе — и снова отправлялась к Арону.

Я снимала всё на GoPro. Сначала для себя. Потом Хельга, которая всё ещё пыталась поддерживать со мной связь после школы, попросила выложить ролик в соцсеть. А через пару лет у меня появился небольшой закрытый канал для людей, которые почему-то были готовы платить за то, чтобы смотреть, как далеко я зайду на этот раз, испытывая себя и судьбу на прочность.

Их было не миллионы, но достаточно, чтобы я перестала горбатиться на случайных заработках.

Большого мне и не требовалось. Мне нужны были горы, вызов и ощущение, что я снова жива. А деньги подписчиков помогали добираться туда, где всё это было.

Потом появились производители снаряжения, спонсоры и частные доноры. И чем выше я забиралась, чем опаснее становился маршрут, тем чаще Арон был рядом.

Проблема была только одна.

Каждый раз ощущение его присутствия исчезало всё быстрее.

Глава 3

Аликс. Непал. Наше время

— Ну что, Арон? Вот мы и добрались.

Ответа, как обычно, не последовало, но он широко улыбнулся в ответ.

Я сидела на узком снежном гребне на вершине Ама-Даблам. Внизу облака закрывали долину, а над ними, куда ни посмотри, торчали белые пики Гималаев. Ветер трепал капюшон и швырял в лицо ледяную крупу, но мне было плевать. Последние несколько сотен метров я чувствовала Арона рядом так ясно, будто всё это время он поднимался вместе со мной.

Я закрыла глаза, пытаюсь удержать это ощущение хотя бы ещё немного, но не получилось.

Он исчез.

Как всегда.

— Мог бы хотя бы до спуска задержаться, — пробормотала я.

За последние дни мы прошли по Юго-западному гребню, карабкались по камню, льду и снегу, ночевали на узкой скальной площадке, где палатки приходилось крепить верёвками к скале, потому что один неудачный порыв ветра мог отправить всё хозяйство вниз вместе с теми кто ночевал внутри.

Когда я наконец спустилась в базовый лагерь, два пальца на левой ноге почти полностью онемели. Врач долго их разглядывал, тыкал чем-то острым и каждый раз спрашивал:

— А так?

Я ничего не чувствовала.

Он сказал, что если ощущения не вернутся, могут начаться проблемы, но я считала, что легко отделалась.

Вот Мареку не повезло.

Он шёл во второй связке. Мы познакомились с ним ещё в базовом лагере, потом постоянно пересекались на маршруте, болтали, флиртовали, делили чай, а за пару дней до последнего подъема один раз переспали в его палатке.

Никакой великой любви, просто два взрослых человека, которым завтра опять лезть туда, где можно сдохнуть, решили приятно провести ночь.

Обратно Марека спускали на верёвках, пока остальные помогали расчищать путь. Нам сказали, что он сорвался и неудачно упал, повредив ноги.

Ночь в горах он не пережил.

О его смерти я узнала уже внизу, в лагере.

Не люблю мертвецов. Во-первых, тащить их почему-то всегда тяжелее. Во-вторых, рядом с ними в голову лезет то, о чём в горах лучше вообще не вспоминать. Например, что на его месте могла лежать я.

Так что я была рада, что Марек шёл не в нашей связке.

Звучит мерзко, зато честно.

Я поставила телефон на камень и записала короткое видео. Сказала, что Марек погиб во время спуска, передала соболезнования его семье и несколько секунд просто молча смотрела в камеру, потому что слова вдруг закончились.

Выкладывать ролик не стала. Решила дождаться сначала официального объявления о его смерти. Только выключив камеру, я почувствовала, что по щеке что-то ползёт.

Смахнула рукой. Вода. Я подняла голову. Снега не было.

Я провела пальцами по другой щеке и удивлённо посмотрела на мокрую перчатку. Надо же, я оказывается плакала.

После смерти Арона я не плакала ни разу. Ни на похоронах, ни через месяц, ни через год. А сейчас сидела у подножия чёртовой горы и ревела из-за мужика, которого знала меньше двух недель и с которым всего лишь один раз переспала.

Я задумалась, почему вдруг так расчувствовалась, но ответа так и не нашла.

Может, я плакала вообще не по Мареку.

Ама-Даблам была самым сложным маршрутом из тех, что я прошла за последние годы. Недели подготовки, тренировок, перелёты, акклиматизация, постоянный холод, сорванные ногти и два отмороженных пальца, а на вершине я почувствовала Арона всего на пару минут.

Стояла там, смотрела на мир сверху и впервые подумала: «И это всё?»

Моя психотерапевт наверняка нашла бы этому какое-нибудь умное название. Я до сих пор виделась с ней примерно раз в месяц, хотя про Арона мы уже давно не говорили. Ходила я к ней в основном из-за бессонницы, которая преследовала меня последние восемь лет и довольно плохо сочеталась с занятиями, где одна заторможенная реакция могла закончиться свободным полётом на несколько сотен метров.

Она-то и объяснила мне, что я подседа на тот кайф, который давал риск. И, как с любой зависимостью, очень скоро прежней дозы стало мало.

Я достала телефон.

Связь в лагере была отвратительной, но спутниковый терминал наконец ожил. Я загрузила фото и видео материалы отснятые во время подъема и спуска. Тут же посыпались уведомления одно за другим: сообщения, комментарии, поздравления.

Я пролистала первые пару десятков, открыла приложение закрытого канала и включила фронтальную камеру.

На экране появилось моё лицо. Загорелая кожа, потрескавшиеся губы, спутанные волосы непонятного цвета, потому что нормально я их не мыла уже бог знает сколько дней. На скуле алела свежая царапина.

Именно после роликов, где я появлялась в таком виде, люди почему-то донатили больше всего.

Я нажала запись.

— Ну что, психи. Я уже внизу. Цела. Почти. Все пальцы пока при мне, хотя доктор говорит, что возможно с двумя придётся расстаться.

Я повернула камеру на гору.

— Ама-Даблам — покорена.

Я снова направила объектив на себя.

— И теперь у нас проблема.

Я усмехнулась.

— Мне скучно. Поэтому вопрос: куда дальше?

Я остановила запись и нажала кнопку «отправить».

Первые ответы появились секунд через тридцать.

«K2».

«Серро-Торре».

«Вернись домой, подлечись, а потом будешь решать».

«Антарктида».

«Патагония».

«Эль-Капитан без страховки».

— Ну уж нет, — пробормотала я. — Я сумасшедшая, а не тупая.

Новое уведомление высветилось поверх остальных. Я уже собиралась смахнуть его, но увидела имя.

«Йоун Й.»

Я остановилась.

Этот чел появился на моём канале примерно год назад. Аккаунт был совершенно новый: ни фотографии, ни биографии, ни ссылок на другие соцсети. Зато деньги у него, судя по всему, водились в неприличных количествах.

Первый раз он прислал пятьсот евро после видео из Альп. Потом тысячу. Полгода назад оплатил часть нового комплекта снаряжения. А когда перед нынешней экспедицией сорвался контракт с одним из крупных спонсоров, Йоун Й. полностью закрыл дыру в бюджете и накинул сверху столько, что после Непала мне хватило бы на перелёт практически в любую точку мира.

Тогда я впервые написала ему сама.

«Почему?»

Он не стал делать вид, что не понимает вопроса.

«Хочу посмотреть, сумеешь ли?».

Я подумала и отправила ещё одно сообщение:

«Кто ты вообще такой?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Поклонник твоего таланта».

Многие спонсоры рано или поздно начинали просить что-нибудь взамен: личное видео, вещь, которую я носила на восхождении. Один особенно настойчивый изврат предлагал пять тысяч за мои трусы после недельного похода.

Поэтому перед следующим сообщением я тяжело вздохнула. Будет жаль, если и этот попросит нюдсы и мне придётся отказаться от удобного источника финансирования.

«Чем я могу тебя отблагодарить?»

Ответ пришёл тут же.

«Покори эту вершину».

И всё. Больше он ничего не попросил и не присылал других сообщений. До сегодняшнего дня.

Я открыла новое уведомление и присвистнула.

«Йоун Й. отправил вам 25 000».

— Вот челу денег девать некуда...

Следом появилось короткое сообщение:

«Мои поздравления».

А через несколько секунд ещё одно.

«Ты спросила, куда дальше. У меня есть предложение».

Я уставилась на три точки в верхней части экрана. Они появились, исчезли, потом возникали снова.

Наконец пришло сообщение с одной единственной ссылкой. Я несколько секунд смотрела на неё. Вообще-то открывать ссылки, присланные неизвестно кем, — идея так себе. Но после того как он оплатил мою поездку, проявлять осторожность было уже поздно.

Я нажала на ссылку.

Посередине черного экрана медленно проявилось одно слово, написанное ядовито-розовыми буквами:

«ДОФАМИН»

Ниже появилась всплывающая строка:

«ЗАКРЫТАЯ ИГРА. ВХОД ТОЛЬКО ПО ПРИГЛАШЕНИЮ».

Я усмехнулась.

— Серьёзно? Видеоигра? Придурок.

Следующая надпись стёрла улыбку с моего лица.

«ОТБОР: 24 ЧАСА

КАНДИДАТОВ: 30

ФИНАЛИСТОВ: 3

**ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ИГРЫ: 7 ДНЕЙ
ПРИЗ: ТОЧКА ЗЕРО».**

Я перечитала последнюю строчку три раза.

— Не может быть.

Про Точку Зеро байки ходили уже несколько лет. Никто толком не знал, существует ли это место вообще или все снимки оттуда — просто хорошо сделанный фотошоп.

Одни утверждали, что Точка Зеро находится где-то на вулканическом острове в Северной Атлантике. Почти идеально круглый провал в чёрном базальте, похожий на знаменитую Голубую дыру в Белизе, только без воды. Огромная шахта уходила вертикально вниз, в толщу острова. Говорили, её пытались промерить не раз, но до дна так и не добрались. То ли оно находилось слишком глубоко, то ли его не было вообще. Что, конечно же, было невозможно.

Наверное, поэтому я всегда считала Точку Зеро красивой байкой для тех, кому обычных гор уже недостаточно.

В интернете время от времени всплывали фотографии: чёрное отверстие посреди серого камня, крошечная человеческая фигура на краю и отвесные стены, уходящие вниз настолько глубоко, что дна не было видно. Координат не было ни на одной, а потом фотографии исчезали. Один парень даже выложил двадцати-секундное видео, на котором камера летела в черноту, а потом запись внезапно обрывалась.

Никто так и не доказал, что ролик настоящий.

Пять лет назад, составляя список мест, куда собиралась добраться, я добавила туда Точку Зеро. Я искала её по старым картам, расспрашивала альпинистов, геологов, спелеологов — без толку. В конце концов я её вычеркнула. Не потому, что передумала, а потому что невозможно добраться до места, которого, скорее всего, не существует.

Телефон снова завибрировал.

Йоун Й. прислал ещё одно сообщение:

«Самая сложная вершина у тебя впереди, Аликс».

Под ним медленно загорелась розовая кнопка:

«ПРИНЯТЬ ПРИГЛАШЕНИЕ».

А ещё ниже появилось всего одно слово.

«Слабо?»

Я несколько секунд смотрела на экран, не веря своим глазам, а потом рассмеялась.

— Вот дерьмо. Восемь лет прошло, Арон, а я так ничему и не научилась, — пробормотала я, нажимая на кнопку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.